

Цзин Тяньюэ прикусила мочку уха Сяо Жун. Они лежали в ванне, и в шуме воды она сказала:

— Прости.

Сяо Жун была намного младше её, и Цзин Тяньюэ постоянно испытывала непреодолимое желание защищать её, поэтому у неё не возникало потребности делиться сокровенным.

Возраст иногда был словно замок, запирающий многие юношеские черты Цзин Тяньюэ, так что проявлялась лишь малая часть того, кем она была раньше.

Ощущение, когда кожу слегка покусывают, вызывало у Сяо Жун сплошной зуд. Она сказала:

— Ты передо мной не виновата.

Голова у неё ещё кружилась, и эта мягкая, безвольная опора приносила огромное психологическое удовлетворение. По сути, она была привязчивой девчонкой.

Но самостоятельность пришла к ней слишком рано.

— Я боялась тебя беспокоить и боялась потерять тебя. Но если я буду тебя беспокоить, ты можешь начать меня ненавидеть, а это равносильно потере.

Сяо Жун подумала и всё же высказалась.

Цзин Тяньюэ обняла её сзади, положив подбородок на плечо Сяо Жун. Вода от их лёгких движений издавала звуки, словно в чьём-то сердце поднимались волны, вызывая едва уловимые переживания, которые порождали неопишуемые эмоции.

Это была та самая забота не от семьи, которую Цзин Тяньюэ редко ощущала.

Если говорить откровенно, чувства — это взаимное согласие.

Одностороннюю любовь она тоже встречала. У взрослых не так много искренности — не получилось, значит, отступили, отступив, обретаешь спокойствие, по крайней мере, сохраняешь знакомство.

Таков закон этого мира — оставляй людям лазейку, чтобы потом было легче встретиться.

Но Цзин Тяньюэ такое не нравилось. Она жаждала той самой полной, безраздельной любви. Сама она отдавалась вся, а получила грандиозный обман, в конце концов оказавшись в лагере проигравших.

Она разочаровалась.

Многое трудно объяснить словами. Гао Цзин была с ней близка, но даже с ней трудно было говорить на таком уровне. Как сказать: «Я хочу, чтобы в чьих-то глазах была только я, одна я»?

Сама думала, что это звучит по-детски.

Сколько тебе лет?

В детстве ещё можно было так думать, но повзрослев, сохранять такую наивность...

Но взрослые — такие же, просто дети во взрослых телах, а это желание непоколебимо, вечно

стоит на своём месте.

Она уже почти смирилась, но встретила Сяо Жун.

В тишине пространства пар от воды поднимался, застилая её глаза влагой. Сяо Жун не почувствовала, как по её плечу скатилась слеза, и не увидела взгляд любимого человека в этот момент.

Если бы она обернулась, то непременно увидела бы эти затуманенные слёзами глаза.

— Вот же ты...

Цзин Тяньюэ обняла её крепче. Сяо Жун взяла её руку, обнимавшую свою талию, и спросила:

— Что со мной?

— Я просто хочу сказать тебе всё, что думаю, чтобы...

— Чтобы что?

Сяо Жун:

— ...не было сожалений. Чтобы потом, вспоминая, не думать: «Вот если бы я тогда сказала так...»

Её голос от природы был чистым и мягким, а после близости в нём появилась ленивая нотка, переплетаясь с обжигающей искренностью, что вызывало до дрожи трогательные чувства.

Цзин Тяньюэ:

— Почему ты такая пессимистка?

Она обычно терпеть не могла таких людей, ненавидела вечно хнычущих. Такие люди — слабаки, лучше бы плакать меньше, а делать больше.

Например, она ненавидела Чу Янь, ненавидела ту сцену, где та поймала их с любовником, ненавидела эту рыдающую, оправдывающуюся любовницу, ненавидела Цинь Мян, бросившегося её защищать.

Чу Янь тогда сказала:

— Брат Мян действительно любит меня. С тобой он несчастен, а я делаю его счастливым, поэтому и я счастлива.

Настоящая сцена из старой мелодрамы, даже Гао Цзин, бывшая с ней, не нашлась, что ответить.

В тот день, вернувшись, Цзин Тяньюэ долго размышляла и находила это смешным. Цинь Мян ещё оправдывался, мол, у Чу Янь характер не такой сильный, как у тебя, ты не должна так-то и так-то.

Впервые она ощутила самый большой недостаток своего характера — слишком сильная, настолько сильная, что её изменили, а потом ещё и обвинили её саму.

Прошло много времени, но, вспоминая это, она чувствовала лёгкое головокружение.

Она словно увидела себя много лет назад, говорящую Хун Цзэ, что любовь важнее карьеры, а он называл её влюблённой душой.

Она сама говорила:

— Ну и что, что я влюблённая дура? Всё равно найдётся тот, кто будет любить меня, только меня, вечно любить меня.

Во время развода она считала ту себя смешной, а сейчас чувствовала себя невероятно удачливой.

Сяо Жун взяла руку Цзин Тяньюэ.

— Это не пессимизм. Просто я чувствую себя очень удачливой — встретила тебя, приехала в Пекин, дебютировала, увидела тебя, встречаюсь с тобой. На самом деле, стоит мне было оступиться на любом шагу — и мы бы разминулись.

— Как же это пессимизм?

— Я не хочу сожалений. Поэтому хочу сказать тебе всё, что думаю.

Голос Сяо Жун был очень мягким, просто из-за созданного образа её всегда связывали с холодностью и бесчувственностью. Никто не знал, что в частной жизни она была именно такой.

— Если бы можно было, я бы отдала тебе своё сердце. Тысячи слов — всё хочу сказать тебе.

Она подняла руку Цзин Тяньюэ и поцеловала её в тыльную сторону ладони.

С такой преданностью, словно готова была отдать всю свою жизнь.

Цзин Тяньюэ всё же не сдержалась, голос её задрожал.

— Дурочка, разве ты не злишься на меня? Зачем снова признаёшься мне в любви?

Сяо Жун обернулась, посмотрела в её покрасневшие глаза, мокрые волосы прилипли к щекам, она была потрясающе красива.

— Ты же извинилась. На что мне ещё злиться? И вообще я...

— ...просто притворялась, что злюсь.

Она улыбнулась, прищурилась, и обняла Цзин Тяньюэ за шею.

— Давай ещё раз?

Сяо Жун на следующее утро встала рано.

Цзин Тяньюэ проспала до половины одиннадцатого, спустилась вниз и увидела, что Сяо Жун играет на скрипке.

Была очень приятная глазу картина. Она стояла на лестнице, опираясь на перила, и наблюдала за фигурой Сяо Жун.

Сяо Жун выглядела довольно худощавой, но весила немало. Однажды Цзин Тяньюэ, обняв её, попыталась приподнять, но чуть не потеряла равновесие и не надорвала спину.

Зато Сяо Жун поднимала её с лёгкостью. Про этого человека нельзя было сказать «внешне твёрдая, внутри мягкая», и «внешне мягкая, внутри твёрдая» тоже не подходило.

Она была как вода: снаружи — лёд, пена, а для неё — сахарная пудра, мёд, разведённый в воде.

Сяо Жун просто накинула пушистый домашний халат, штаны Цзин Тяньюэ ей были чуть выше щиколоток, носки тоже были пушистыми. Она играла на скрипке, явно получая удовольствие.

Картина была приятной, пока она стояла неподвижно.

Сыграв что-то наобум, она, вероятно, сама поняла, что играет слишком плохо, и немного попрыгала со скрипкой в обнимку. Потом обернулась и обнаружила Цзин Тяньюэ наверху лестницы.

Сяо Жун буквально застыла на месте, какое-то время просто тупо стояла, затем почесала голову и, подняв глаза на Цзин Тяньюэ, сказала:

— Ты проснулась?

Цзин Тяньюэ, подперев лицо руками, с улыбкой смотрела на неё.

— Во сколько встала?

Сяо Жун поставила скрипку рядом, засунув руки в карманы.

— В семь.

Цзин Тяньюэ кивнула. Сяо Жун спросила:

— Спустишься позавтракать? Хлеб уже подрумянился.

— Сегодня есть дела?

Сяо Жун отпила глоток молока и покачала головой.

— Нет. Брат Ян дал мне два выходных.

Цзин Тяньюэ:

— Какие планы?

Сяо Жун подумала.

— Никаких.

Цзин Тяньюэ вздохнула, ещё не успев ничего сказать, как Сяо Жун спросила:

— Пойдёшь в супермаркет?

Цзин Тяньюэ:

— Если тебе что-то нужно, можно просто заказать доставку.

Сяо Жун кивнула. Её уныние каждый раз было очевидным.

Цзин Тяньюэ подумала и спросила:

— Хочешь пройтись по магазину?

Сяо Жун:

— Если ты не пойдёшь, я тоже не пойду.

Для Цзин Тяньюэ поход в супермаркет был в самом деле давним делом. Она предпочитала онлайн-шопинг, ведь её слишком легко узнавали, к тому же она больше любила бутики.

— Ладно... тогда пойдём вместе...

Сяо Жун:

— Всё-таки не стоит. Если нас сфотографируют, будет много хлопот.

Цзин Тяньюэ:

— Ты что, боишься, что тебя сфотографируют?

Сяо Жун:

— Боюсь, что сфотографируют тебя. Потом придётся давать объяснения, это утомительно.

Цзин Тяньюэ парировала:

— Разве нас фотографируют редко?

Действительно, их и раньше не раз снимали. Фотографии, где они вместе ужинали или куда-то заходили, сразу же выкладывали в сеть, но особого ажиотажа не было.

Кроме нескольких особенно развязных случаев, которые Цзин Тяньюэ пресекла, вокруг них словно существовал некий барьер. Все думали только о том, что старшая сестра заботится о младшей, ядовитая роза шоу-бизнеса редко так хорошо относится к младшим коллегам, и не задумывались дальше.

Сяо Жун получила прозвище «Сяо Жун с кулаками». Фанаты Цзин Тяньюэ считали, что их кумир рядом с Сяо Жун чувствует себя в полной безопасности.

Сяо Жун тоже вспомнила оценки их отношений в интернете и криво усмехнулась.

Все наперебой говорили, что её содержат, но слухов о том, что её содержит именно Цзин Тяньюэ, не было. Даже если какие-то ресурсы явно были от неё, это считалось чем-то само собой разумеющимся.

— Как участницы N-O-I реагируют, когда фанаты называют их мужьями?

Лян Ии (с сожалением): Эх, здравствуй, жена.

Вэнь Фу (смотрит в сторону): Сними маску, я посмотрю.

Чжао Минъянь (в шоке): Кто твой муж?

Сяо Жун (смущённо): Слишком громко...

Эх, на время пропал интернет, как же раздражает, наконец-то сохранила 5555555

<http://bllate.org/book/17670/1646959>